

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЕННЫХ ГОДАХ (1939–1945 гг.)

Окончив школу с одними пятерками, я поехал вместе с товарищем Васей поступать в Ленинградский политехнический институт — там уже учился наш старший товарищ, Борис Матвеев. На пересадке в Москве впервые увидели много автомобилей, а в Ленинград ехали в мягком вагоне — других билетов не было. В институт мы оба поступили, правда, мой провинциальный отличный аттестат в Ленинграде не признали, зачислили на плохой факультет — промтранспорт. Начали заниматься, вдруг 1 сентября сообщение — Германия напала на Польшу. Еще через пару дней пришел указ: окончивших среднюю школу призывать в армию в 18 лет (вместо 22 лет). В общем, прошел медкомиссию, причем ушник был недоволен моим левым ухом, но написал — «годен». Второго ноября явился лейтенант из военкомата, посадил нас на трамвай и привез в казарму — Семеновские казармы возле Витебского вокзала. В войну эти казармы начисто разбомбили, теперь там площадь. Одели, обули (ботинки с обмотками), в баню сводили. Свою одежду связали в узлы, на склад. Седьмого ноября прошли (не в строю) на демонстрации по Дворцовой площади, видели издали Жданова на трибуне.

В казарме определили в пулеметный взвод. Двухъярусные нары, 40 студентов, из них 10 евреев. Начали изучать автомат «Максим», шло плохо, гуманитарии, физически слабые. Два раза у меня при разборке из замка вылетала пружинка и била в лоб.

Через месяц нас перевели в полк связи. Там принялись изучать полевые телефоны, рации, учиться морзянке. Тем временем 30 ноября 1939 г. началась война с Финляндией. По выходным в полковом клубе проходили концерты художественной самодеятельности, обязательно какая-нибудь девушка пела песню «Я на подвиг тебя проводила...» В казарменном дворе сохранился танк времен гражданской войны — клепаная коробка, две башенки с пулеметами.

Доучились до конца января 1940 г. Собрали команду, шагом марш на Финляндский вокзал, набили в вагон, привезли на станцию Рауту. Там в набой переночевали в здании вокзала. Хоть убей, не помню, как утром кормили. Посадили на грузовик и поехали на фронт. Дорога между высочайших сугробов. По дороге увидели финскую деревню — рыжий парень и старуха с ведрами на лыжах.

Одет для Финляндии я был очень хорошо. К обычному белью добавлено теплое, на ноги валенки, на голове кроме буденовки (она, развернутая, закрывала всю голову, кроме лица) еще вязаный подшлемник, кроме шинели еще телогрейка.

Прибыли в штаб дивизии, разделили по полкам. Меня и еще одного — в арtpолк. Пошли с провожатым по лесной дороге. Уже стемнело, дорога виляет, то с одной стороны, то с другой пушечные выстрелы и пулеметные очереди. Наконец дошли до штаба полка. Капитан, начальник связи, меня сунул в один взвод, другого — в другой. В землянке со мной оказались двенадцать человек. У дальней стенки землянки — лейтенант и два сержанта. Остальные поперек, до двери. Мне, естественно, досталось крайнее место, поперек двери.

Утром подъем, на завтрак каша и чай. Собрались на передовую. Противогазы никто не брал, оставили в землянке. На плечи — станок с катушкой, в руках винтовка. Идем лесом, какими-то кустами, я в хвосте. Вдруг кусты кончились, все впереди идущие куда-то кинулись и исчезли. Я стою, оглядываюсь, ничего не понимаю. Сержант высунулся из окопа, с матюками кричит:

— Беги сюда, прыгай.

Я добежал, спрыгнул, спрашиваю:

— А что случилось?

— Ты же на виду у финнов стоял, они вон.

Двести метров.

Напугался только потом. Еще одно переживание — в окопе по дну рассыпаны кучей патроны, которые в учебном полку из рук в руки счетом передавали, а тут по ним ходят. Так началась моя фронтальная жизнь. Почему финны меня не застрелили — неизвестно. Это был первый раз, когда я мог погибнуть.

После того, как поработали — сняли одну линию телефона и протянули другую — вернулись на обед. Перед обедом получили по сто граммов водки и ломтик сала на закуску. Обед был исключительно сытный, и после него — отдых. Написал письмо домой. Сообщил, что я на фронте, но «мухи не летают».

Пошла служба день за днем. До того, как мы прибыли с пополнением, дивизия вынесла тяжелые бои — форсировала крупную реку Тайналан-Йоки и взяла три дота линии Маннергейма. Два дота были взорваны — валялись гигантские глыбы бетона, третий финны оставили целым. Дот был двухэтажный. В верхнем, боевом этаже было десять амбразур для ведения огня. Лобовая стенка дота была облицована красным гранитом. Бойцы рассказывали, что при обстреле наши снаряды от этой стенки отскакивали, думали, будто дот облицован резиной. В нижнем этаже было обустроено жилье. Там у нас расположился телефонный узел.

Бойцы взвода связи были все не кадровые военные, а призванные на войну колхозники из Псковской области — «скобари». Сильные и ловкие мужики, со своеобразным диалектом. Раз сидим в землянке, а финская артиллерия ведет обстрел, снаряды то ближе, то дальше. Сидим, молчим. Вдруг Федоров говорит: «Да, протянули мы финнам руку помощи, а они за руку-то зубами!» (тогда в газетах писали, что мы протянули руку помощи финскому народу, была провозглашена Финская советская республика).

После потери дотов финны отошли на три километра и окопались на гряде высоток. Окопы в полный рост, прочные блиндажи, пулеметные огневые точки, пять рядов колючей проволоки.

Два часа артподготовки, затем атака. Атаку финны каждый раз отбивали с большими потерями. Иногда наши добивались до первой траншеи, но немедленно шла контратака финских лыжников и наших выбивали обратно. Финны великолепно бегали на лыжах и без промаха стреляли. У них армия была организована по местному принципу — каждая рота из одной деревни, у каждого в доме стояли лыжи и винтовки. Очень хорошо были одеты — белье, на нем вязаное шерстяное, на нем суконный комбинезон, а сверху — полотняный. На ногах — лыжные сапоги — пьексы. Так продолжалось месяц. Начальник артиллерии сказал, что на эту высоту израсходовал сорок вагонов снарядов. Когда ее, наконец, заняли, там от бывшего леса остались одни пеньки, изрубленные осколками, а земля была перерыта на два метра глубины. Нас послали убирать убитых. Перед проволокой был сплошной серый вал из тел, один на другом, тысячи убитых. Один лежал с гранатой, зажатой в руке. Худой, рыжий, небритый, как сейчас вижу.

Мне больше под обстрелом бывать не пришлось. Ходил по линиям связи по траншеям, дежурил на телефонах. Ночью сидишь — каждые полчаса проверка связи: «Береза!» — «Береза слушает». Потом мне дали другую работу — носить в тыл на зарядку аккумуляторы от раций. Три километра через замерзшую реку. С того берега все позиции и всю стрельбу видно. Был очень доволен спокойной работой. Но после войны сержант мне сказал:

— На этой дороге почти каждый день финны кого-нибудь убивали или захватывали.

Опять мне повезло.

Двенадцатого марта еще спим в землянке, вдруг прибегают связисты с дежурства в штабе.

— Война кончилась, в двенадцать часов — прекратить огонь, команда пришла.

Ну, конечно, все рады. Утром надо идти на передовую и по линиям, но лейтенант Опарин решил по своему — всем идти в тыл, в баню. Ушли. Через некоторое время появляется капитан:

— Опарин, где люди?

— Пошли на задание.

— Зря, надо было в тыл отправить.

— Я так и сделал.

— Молодец.

По условиям мира финны отдали значительную территорию. Мы пошли вперед. Пересекли еще одну подготовленную, но уже оставленную финнами линию обороны. Вдруг по правую руку вижу огромное белоснежное поле до самого горизонта. Оказывается, это Ладожское озеро, замерзло и снегом покрыто. Переночевали в оставленном финнами селе — абсолютно пустые дома, ни щепки, ни тряпочки. На следующий день дошли до села Вуохенсало, где и расположились. Финны не имели права ничего разрушать — ничего и не разрушили, только во всех банях котлы разбили. А бани стоят около озера, в бане котел и каменка, полки для пару, для воды — насос, на полке в предбаннике мыло, сваренное из рыбьего жира, запах...

В деревне ни одного замка. Дома все отличные, печи, как русские, только заслонки литые чугунные на петлях. Все шкафы пустые, ни одного сундука, ни одной вещи. Стояли в селе до мая месяца. Когда снег растаял, стали ходить на болота по клюкву — вкусная! В селе у каждого хозяина было два участка. Один на высоком месте, там песок и валуны. Другой — на низменности у озера, там торф. Так финны возили навстречу — песок на торф, торф на песок. И там, и там хорошие урожаи. Но у верхних полей окантовка из гранитных валунов, как заборы. Эти валуны, оказывается, каждый год из грунта на поверхность вылезают. В общем, работы финнам хватало.

Перешли на мирные распорядки. Новоприбывшую молодежь, в том числе меня, собрали в пол-

ковую школу — сержантов готовить. Поселили у самого озера — там у финнов была береговая батарея, в их казарме сколотили топчаны, набили матрасы соломой, стали жить. Озеро немного оттаяло, но крупные ледяные поля плавали, мы на лодках к ним подплывали. На батарее остались только цоколи и щиты от пушек, ни одного ствола, ни одного снаряда. Едва ли вывезли, скорее, утопили.

Пошла муштра в полевой школе. У меня дела едва ли не хуже всех — ни строй, ни физкультура не идут. В школе сто хохлов, двое русских. Вечерами хохлы или песни поют, или побасенки... Все вспоминали голод 1933 года, кто как спасался. Как будто специально, все попали из разных областей. В Финляндии оставались недолго, подняли — и на станцию Мюлюпельто. Красивый поселок — ярко окрашенные дома над голубым озером, кругом зеленый лес. Но нам не до того. По вагонам! На вагонах тогда была надпись — 40 человек, 8 лошадей. Так и грузились. Так как полк был конный, в вагоне привязывали восемь лошадей хвостами к проходу, в проходе — седла. Овес, сено и двое солдат. Поехали. Около Ленинграда приостановились на станции Ручьи, было видно здание общепита, где я жил до призыва. За ночь перевели на запасной путь Витебского вокзала. Прицепили паровоз ФД и полным ходом на юг. На остановках к вагонам подбегают местные жители, покупают табак. После войны кое у кого много скопилось табаку, продают или меняют на водку. По пути — станция Струны Красные, где полк располагался до войны. Призывники и кадровые мечтали, не остановимся ли там — как бы ни так, промчались на максимальной скорости. Проехали Псков, выгрузились на станции Остров. Переночевали в какой-то деревне, запомнил только, что старики (молодежь была вся призвана на финскую войну) были одеты в белую домотканую одежду. Затем по хорошей дороге с новыми мостами дошли до границы. Там расположились под стенками недостроенных бетонных дотов. Утром пошли через границу в Эстонию. В пограничном районе Эстонии жили русские, нас встречали по-праздничному. Дальше пошли эстонцы, глядели враждебно. Поразили хорошие дороги с указателями на всех развилках и перекрестках. Деревень нет, одни хутора. При дороге магазины. Москали сообразили, кинулись кое-что покупать. Кто платил деньгами, а ловкачи вместо денег всучивали облигации. Дошло до комиссара, послал вперед мотоциклистов, всех торговцев предупредил.

За три дня в июньскую жару прошли 160 км. Я, дойдя до очередного километрового столба, глядел вперед и думал — дойти до следующего. На плечах рюкзак, скатка, противогаз — 16 кг. Винтовка за спиной, только патронов нет — у старшины на

повозке. До сих пор помню этот поход. На одном из привалов слышал по радио — немцы взяли Париж. А мне 12 июня — 19 лет и я еще бриться не начал.

Пришли в эстонский город Валга. Город на два государства — половина Эстония, половина Латвия, граница прямо по улице. Мы прошли через город и расположились в сосновом лесу на горе над городом. Все орудия дивизии — шестьдесят пушек и гаубиц — выставили в один ряд на опушке леса, дулами на город. Сами расположились под деревьями — из четырех плащ-палаток палаточка на четверых, на ночь скатку раскатываешь, одну полу шинели под себя, другой накрываешься. Утром скатываешь обратно. Главная служба была — уход за лошадьми, три раза в день кормить и чистить. У меня конь был смирный, а другие хуже. Одна кобыла по кличке «Змея» была истинная змея — чуть зазеваешься — она копытами лягнет. Другая умела выдергивать морду из недоуздка, ночью вдруг начнет гулять на свободе, надо ее ухватить за храп и снова взнуздать. А на занятиях по конному делу мне пришлось десять раз своего коня седлать и расседлывать, пока в норматив времени не уложился.

С фронтового снабжения полк сняли, кормить стали хуже — вместо хлеба сухари, суп из солевой рыбы. Питьевую воду раз в день привозили на грузовике. Старался пить как можно больше чаю, а на сухарях заработал авитаминоз — ничего не видел после захода солнца, причем не понимал этого, думал, что ночи здесь такие темные. Табак выдавать перестали, а Военторга нет. Курильщики взвыли, мучились, а мне — ничего. С тех пор всю жизнь не курил.

Когда выходили на занятия — меня учили на топографа — со стереотрубой или с планшетом мерили землю вдоль дорог. Эстонцы увидят — кричат: «Что нашу землю меряете?». А одного солдата в городе в патруле ножом ударили. Попал в госпиталь. Надо же было, что в 1960 г. мы с ним получили квартиры в Уфе в одном подъезде, оба стали нефтяниками и работали в УфНИИ. Звали его Павел Сергеевич Веселков, ныне он уже умер.

Простояли мы в Эстонии месяц. Когда там провозгласили советскую власть, нас опять на станцию в эшелон. Поехали через Белоруссию, выгрузились в Бресте. От Бреста — сорок километров марша, встали в местечке Милейчицы. Там заняли дачный поселок, где до войны варшавские евреи летом отдыхали. Но дач для размещения не хватало. В дополнение стали строить землянки. Вырыть землю было делом нехитрым, а вот приготовить бревна для срубов — сложнее. Указали нам сосновый лес, где надо было деревья срубить и бревна напилить. Но мало кто знал, как рубить. То и дело

дерево падало не туда, куда надо, и зацеплялось ветками за соседнее. Когда все же нарубили, встала проблема бревна перевезти. Опять никто не знает, как привязать бревна на телегу. Но все же с трудом, но доставили. Нашлись плотники, умеющие сделать сруб. Установили в вырытые ямы, настелили полы, сделали крышки. Но сделали плохо, одна крыша расперла бревна и рухнула в Ленинскую комнату, по счастью, там никого не было.

Сменили состав части. Всех старослужащих и приписников, которых задерживали на финскую войну, уволили. Вместо них прислали пополнение, половину из Москвы, половину — с Кавказа или из Средней Азии. Москвичи, как на подбор — бывшие жулики и спекулянты. Ко мне в отделение пришли один вор карманник, другой вор магазинный. Слава богу, они соблюдали старый воровской закон — где живешь не воровать. Тем более что деньги у нас тогда были, нам выплатили их за финскую войну, мне дали 300 руб.

Кавказцы и среднеазиаты в большинстве не знали русского языка, понятия не имели о военной службе, до этого их никогда не призывали. Обучить их была немыслимая морока, а когда началась война, они поголовно оказались в плену и погибали в первую очередь.

В общем, за лето 1940-го часть обустроилась на новом месте. Людей и лошадей разместили, орудия в парке, снаряды на складе, появился Военторг, даже библиотека. Службой не перегружали, я за год прочитал три здоровенных тома — Леонов «Русский лес», «Дорога на океан», Шпанов «Первый удар». Тем временем у меня пробилась борода, пришлось начинать бриться. Морока была с конем — три раза в день кормить и чистить. Но в начале 1941 г. коней забрали, дали трактора и машины, а перед самой войной прислали новые орудия, а то Финляндию отвоевывали с орудиями, сделанными в 1912 году и снарядами 1916 года.

Взвод управления поместили в комнате 8×4 м, по одной стенке двухъярусные нары на 20 человек, по другой — пирамида с винтовками, сбоку — печка, напротив окно, у окна — столик с керосиновой лампой. Вечером печка топится, кто чем занят, а кто-то из хохлов или украинские песни поет или побасенки рассказывает.

Служба шла своим чередом. После изъятия лошадей дел стало мало. Конечно, занятия и по строевой, и по специальности шли своим чередом. Пошли дожди, каждый день в казарму на сапогах натаскивали грязи и дневальным приходилось пол мыть. Один из новоприбывших был до призыва директором завода в Тбилиси, интеллигентный человек 40 лет. Вероятно, скрывался в армии от чего-то худшего. Вот, моет он полы в казарме на

80 человек и говорит наблюдающему старшине: «Не знал я, что это за работа. У себя я два раза в день заставлял полы мыть».

Москвичи выкручивались, кто как умел. «Мой» магазинный вор устроился писарем батареи. Отчетности какой-то было много, а бумаги не давали. Так он, принося в штаб очередную сводку, пока майор читал, воровал из шкафа пару тетрадок и прятал их под гимнастерку. Другой взялся доставить из Москвы миски из столовой, используя свои связи. Но привез их не сразу, а ездил в Москву три раза.

Тем временем вместо Ворошилова наркомом обороны стал Тимошенко. Тот первым делом убавил солдатский паек. Ввел два дня в неделю рыбных, а один день — сухомятку. Выдавали концентраты и сухари, и сам вари в котелке. Обучали походной жизни.

Стали посылать нас помогать строить укрепления на новой границе. Стояли-то в 20 км от границы, в 40 км от Бреста. Доты строили буквально на линии границы — на берегу Буга, прямо над водой. Огораживали их трехметровым забором, в 50 м от немцев, конечно, никакой секретности быть не могло — на стройке работали кроме солдат наемные местные жители. А солдаты были штрафники. Новый нарком издал приказ — опоздание из увольнения на 15 минут считать дезертирством, штрафбат. Штрафники жили в палатках на самом берегу Буга, между ДОТами и рекой. Когда началась война, немцы их в упор расстреляли, уцелевших взяли в плен в одних подштанниках, чем потом в немецких газетах хвалились. Но это — потом.

В марте 41-го прошли дивизионные учения. Как ни странно, тема была: «Отход перед превосходящими силами противника». Неделю месили снег и спали в снегу. Вымотались до предела.

После учения, однажды вечером, сидя, как всегда, у печки, один из старших по возрасту москвичей вдруг говорит:

— Летом война будет.

— С кем?

— С Германией.

— Почему ты так думаешь?

— А им больше воевать не с кем.

Действительно, за 1940 г. немцы заняли и Францию, и Данию с Норвегией. А Англия — за морем. А немецкая армия полностью отобилизована и обстреляна.

Ну, лето пришло. Все, как обычно, только в начале июня во всех газетах заявление ТАСС: «Все слухи о войне с Германией необоснованны». Правда, боевой готовности у полка не убавилось.

15 июня меня, в числе десяти сержантов, послали в Брест на медкомиссию, чтобы отправить в военное училище. Побывали в крепости, про-

шли насквозь центральную казарму. Практически никакой охраны не было, никакой подготовки к войне.

Правда, после войны, в Казани, одна женщина рассказывала. Она была женой командира-пограничника. За неделю до войны он пришел со службы и говорит:

— Собирайся, утром я тебя с сыном отвезу на станцию, уезжай к сестре.

— Зачем?

— Будет война.

— Я лучше к родителям в Москву поеду.

— Нет, до Москвы война может дойти, а до Казани не дойдет.

Двадцатого июня, как обычно, перед отбоем прошла вечерняя поверка. Весь полк был выстроен на опушке леса, лицом на запад. А на закате небо было такое багровое...

Двадцать первого июня в части был концерт ансамбля из Смоленска. Поверки не было. Так как концерт затянулся, было объявлено, что утром подъем будет на час позже.

На самом деле на два часа раньше обычного дневальный заорал:

— Тревога!

Орет, а сам, глядя на нас, ухмыляется, то ли с испугу, то ли у нас вид был такой. Кто-то запустил в него сапогом:

— Ты что шутики шутишь!

Он уже нормальным голосом говорит:

— На самом деле боевая тревога, война.

Ну, на тревоги мы были натренированы, через пять минут я выскочил из казармы. Над самыми головами, прямо над вершинами сосен, летит немецкий самолет-разведчик. Как наш У-2, биплан, только крылья немного скошены назад. Через борт глядит немец. Если бы я умел рисовать, то сейчас бы смог портрет сделать. Ну, по тревоге немедленно выдали нам новые противогазы, стальные каски, по 15 штук патронов, и все по местам. За 15 минут полк выступил в сторону границы.

С самого начала пошли неурядицы. Не было никакой связи. Проводная была вся порезана — очевидно, немцы постарались. Радио пользоваться запрещено — «засекут». Только посыльные на мотоциклах работали. Дивизион присоединился к стрелковому полку, но тот не двигался с места. Наконец, часов в 12 пошли. Но на переезде через железнодорожную станцию вдруг из леса выехал немецкий бронепоезд и открыл огонь по нашей колонне из пушек и пулеметов. После пятнадцатиминутного расстрела бронепоезд опять скрылся в лесу, а у нас половина машин сгорела и половина людей убиты и ранены. Картина была, так и стоит перед глазами — голубое небо, зеленые лес и трава на поляне, огонь

и дым горящих машин, кровь, белье и голое тело раненых. Рядом со мной убило командира взвода.

Кое-как собравшись после разгрома, поехали дальше. Так как машина нашего взвода была разбита, я заскочил на грузовик со снарядами. До сих пор вспоминаю этот прыжок. Куда-то ехали, немцев не было. Дали на ужин по сухарю и банке тушенки. Всю ночь куда-то шли, спал на ходу.

Утром пехота столкнулась с немцами, началась перестрелка. Наши орудия заняли позицию у дороги. Появились немецкие танки. Двумя выстрелами подожгли два танка. Другие зашли за лесополосу и всадили в каждое орудие по снаряду. Кого убило, кто разбежался. Меня ранило, я бросился в придорожный кювет. Через небольшое время по дороге пошла колонна немецких танков. Окрашены в песочный цвет, на лобовой броне укреплены по три запасных трака. Из танка высовываются немцы и смотрят на меня. За танками появилась пехота. Не знаю, почему меня не пристрелили, наоборот, подошел санитар и перевязал. Затем погнали в село, я все-таки мог подняться. В селе на каком-то дворе начли собирать пленных — приводили по одному, по два. Раненых нас набралось трое. Распорядившийся немец решил нас расстрелять. До этого он сажал пулю за пулей в бревенчатую стену сарая из трофейной советской винтовки СВТ — самозарядная, но очень капризная, то и дело отказывала. Нас ее отказ спас. Немец поставил нас троих к стенке, прицелился, а она не стреляет. Он начал возиться с незнакомой техникой, в это время у двора оставалась легковая машина с офицером. Немец бросил винтовку, побежал докладывать. Тот, видимо, расстрел отменил. И меня, вместе с другими, на каких-то случайных машинах повезли от места к месту. По дороге в какой-то деревне покормили — местная жительница принесла ведро картофельного супа. Было это в помещении школы, где на стенах еще висели портреты вождей. Один немец увидел их, достал штык и вырезал из рамок. Затем опять набили в пустой грузовик, проехали мимо села Семятичи на Буге, где прямо над рекой стояли недостроенные бетонные доты, переехали через Буг по мосту, который еще достраивали немецкие саперы, и уже в сумерках доехали до места, где лагерь. Лагеря, как такового, еще не было. Рядом с маленькой железнодорожной станцией, между ней и селом, под открытым небом на скошенном поле собрано было сотни две наших, а вокруг в оцеплении, метров через 10, немецкие караульные. На земле лежали свеженапиленные доски — из них потом строили бараки. Люди уже легли спать, подстелили под себя доски — земля была сырая, до этого дождь прошел. Я ослабел от раны и от переживаний, места на досках не нашел, лег и уснул прямо на сырой

земле. Спал мертвым сном. Но когда проснулся на рассвете, оказалось — лежу на досках. Так и не знаю, сам перебрался или кто-то переложил.

В числе пленных оказались медики — немцы забрали перевязочный пункт с врачом, фельдшером и санитарями. Те собрали всех раненых. В оцепление попал один сарай под соломенной крышей, там сделали «госпиталь». Началась лагерная жизнь. Пленных с каждым днем прибывало, и лагерь строился. Врыли по периметру столбы, начали натягивать проволоку. В лагере строили ряд земляно-дощатых барачков. Место для сна — прямо на земле, то есть на соломе, по бокам вырытого на глубину до колена прохода. Сверху — двускатная дощатая крыша. Вход с двух концов — с одного — в сторону проволоки, с другого — в сторону кухни, караульной, а подальше — уборная (траншея, а над ней жерди, чтобы сидеть). Через неделю набралось около тысячи человек.

Тут произошло важное для меня событие. Немцы не давали никакой информации о событиях на фронте, а всем интересно — каждый знал только свое.

Как-то добыли немецкую газету, но оказалось, что, хотя многие могли объясняться с немцами, читать по-немецки не умел никто, пока не дошли до меня. Я смог читать без словаря. Почти как по-русски. Первое сообщение всех потрясло — немцы взяли Минск. До этого каждый думал, что неудача только на его участке была, а тут — общая катастрофа. Там же сообщалось, что взяты Динабург (теперь Даугавпилс) и Либава. Справа — столбцом, была статья Геббельса: «Также и на востоке идет блицкриг».

Благодаря знанию немецкого я оказался нужным человеком, и меня оставили в госпитале и тогда, когда рана зажила. Много позже я узнал, что попал под защиту подпольной организации.

А по мере немецких побед лагерь рос и рос. И также по мере побед немцы относились к нам все хуже и хуже. Еда плохая, отношение злобное, грязь, болезни. Начались смерти, сначала по 10 человек в день, потом по 20, по 30. Тиф, дизентерия, простуды. 1 октября похолодало, выпал снег, за одну ночь умерло 300 человек. Меня, как санитаря, приставили к отправке умерших. Каждое утро появлялся немец с вопросом «Wieviel Wagen?» («Сколько телег?»), я пригонял телеги с мужиками из деревни, умерших увозили на кладбище. Один раз, разозлившись на что-то, вздул меня плеткой. А вскоре и я заболел. Неделю валялся на соломе, почти не ел, но выжил. Потом меня перевели санитаром в аптеку (появилась уже). Там меня немец чуть не выгнал в лагерь за то, что я плохо подметал. К этому времени лазарет уже перевели в сборные бараки, хоть жить можно. Из-за сыпного тифа немцы боялись захо-

дить в лагерь. Если наших умирало 50%, то немцев почти 100%. Один из них поправился, так ему дали «Железный крест». Оказался художник, стал рисовать представителей разных национальностей. Меня нарисовал, как типичного русского. Дал ломоть хлеба.

В лагере была жуткая вшивость. Немцы перестали подходить к нашим, буквально, на выстрел. Каждое утро вся охрана демонстративно заряжала винтовки, вечером разряжала. Если кто подходил к проволоке на 5 м, стреляли сразу на убой. По ночам люди пытались убежать, пролезали под проволокой. Не знаю, кому удавалось, но каждое утро посылали подбирать убитых. С наступлением холодов лагерь перевели из деревни в город Седлец (на полдороге между Брестом и Варшавой). Там общие бараки устроили в бывших конюшнях польской кавалерии, на месте стоял — трехъярусные нары. А госпиталю опять дали щитовые бараки, но аптеку, операционную и комнаты врачей поместили в каменном доме с водопроводом, видимо, бывшем штабе.

Поначалу опять дурь, грязь, вши, болезни. Но после декабря, после московской битвы, отношение резко улучшилось. Прибавили хлеба, вывели вшей, дали кое-каких лекарств. Привезли здоровую машину ящиков с перевязочными материалами — бинты, салфетки, индивидуальные пакеты. Все советское, трофейное. Сложили под замок, выдавали по крохам.

Тем временем в лагере появилось что-то вроде своей администрации. За счет умерших немного приодели живых. Немцы перестали стрелять без дела. Уже после войны я узнал, что возникла подпольная организация, задачей которой было спасать в первую очередь тех, кого немцы в первую очередь хотели уничтожить — евреев, офицеров, людей с высшим образованием. Даже двух генералов скрывали под видом рядовых. Евреев спасали в сыпнотифозном бараке — сдавали туда, якобы заболевших, затем писали их умершими, а выпускали как украинцев, молдаван, грузин, осетин. В мою работу входило, когда прибывала с фронта новая колонна пленных, обежать ряды, заметить евреев и сказать старшим товарищам, которые уже делали, что надо.

Далее появилась работа по изъятию с немецкого склада лекарств и бинтов. Нашлись спецы, подобранные ключи. Ящики аккуратно вскрывали, забирали нужное, набивали всяким хламом, но сверху клали прежние упаковки, чтобы, если откроют, сразу не заметили, и опять аккуратно закрывали. Перевязочные материалы, вероятно, переправляли партизанам. Эти штабеля лежали до эвакуации в 1944 г., когда наши взяли Брест. Тогда немец вызвал человека, умевшего рисовать, и велел надписать

на ящиках, что там лежит. А этот парень (фамилия Бровкин) возьми и спроси: «А писать по-немецки или по-русски»? Немец взбесился, но ничего уже сделать не мог. А мое чтение немецких газет продолжалось. К тому же выучился по-польски, стал читать польские газеты. Первым пособием в польском языке был католический катехизис. Почти все догмы из него я забыл, врезалась в память только одна: «Вечное проклятие тому, кто верит в людей». Потом уже узнал еще одну: в отличие от православных, католики верили в воскресение из мертвых в телесном облике, что, между прочим, послужило католику Циолковскому поводом думать о межпланетных путешествиях — на Земле-то места не хватит.

Из польских газет я узнал о расстреле в Катыни. Убитые там были захоронены в офицерской форме, у многих были справки от советских врачей о прививках, сделанных в лагере Козельск. А из немецких газет — что польское эмигрантское правительство из-за этого разоблачения поссорилось с советским, но их глава, генерал Сикорский, погиб в авиакатастрофе.

Тем временем в войне произошел перелом. Сначала Сталинград, потом — Курск. Для меня возникла трудность — я учился понимать немецкие сводки, когда в них шла речь о победах, а о поражениях и отступлениях не умел понять, путался. Тем не менее, жизнь продолжалась. Немцы стали присылать в лагерь людей, отработавших в Германии на шахтах и ставших нетрудоспособными. У них были большие легкие и они быстро умирали.

Затем еще раз изменился профиль лагеря — стали собирать пленных нерусских национальностей (татар, узбеков, грузин, армян), формируя из них легионы для борьбы против России. Их лучше одевали, лучше кормили, даже водку давали. Но, насколько мне известно, ничего у них не получилось.

В 1944 г. фронт придвинулся к Польше. Наши взяли Брест, немцы спешно стали эвакуировать лагерь. Построили всех в колонну по пять человек, вывели на шоссе в сторону Варшавы и — шагом марш. Лагерная охрана исчезла, по обеим сторонам пошли озлобленные фронтовики. Сразу предупредили — кто отстанет, будет убит, и так и делали. В первый день заночевали в поле, не дойдя до Варшавы. На второй день дошли до Вислы, перешли огромную реку по мосту. У моста дежурили немецкие танки из дивизии «Герман Геринг». Перейдя мост, вышли на большую площадь, на другой стороне которой была большая православная церковь. Я к этому времени уже еле-еле шел, того и гляди упаду, а это смерть. Не знаю, как случилось — я, чистый атеист, взглянув на церковь, вдруг взмолился: «Господи, спаси меня».

Ну, Варшаву мы прошли, на дальней ее окраине увидели на заборах надписи мелом: «Польша живет», «Польша борется». Через неделю после нашего прохода в Варшаве поднялось восстание.

Остановились за Варшавой на привал. Вдруг бежит ко мне знакомый: «Идем скорее, посадим тебя на поезд». И точно, дошли до станции, там посадили в вагон — семьдесят человек, лежать негде, у дверей параша. Но остался жив. То ли чудо было. То ли просто повезло. По железной дороге доехали до Баварии, юго-запад Германии, лагерь Моосбург. Лагерь международный. По одну сторону лагерной дороги русские, по другую — англичане и американцы. Нас, как и прежде, кормили кое-как, а «буржуи» каждую неделю получали от Красного Креста посылки по 8 кг лучших продуктов. Так они лагерный суп, если был плохой, не ели — через дорогу отсылали русским. Мы свой обед скорее съедим и бежим к воротам, куда суп принесут. Американцев на работу не гоняли, они даже в футбол играли, а нас стали посылать в рабочие команды. Сначала послали в Мюнхен. Там американцы разбомбили канал, подводивший воду к электростанции. Мы выгребали из воронок разбитый бетон и разрытый грунт, затем забивали их свежим грунтом и бетонировали. Меня поставили на откос канала выбрасывать наверх битый грунт — кидаем со ступеньки на ступеньку. Работу вела частная фирма, хорошо кормили и в день давали по две кружки пива, которое все выходило вместе с потом. Так что — пил баварское пиво. В одной из воронок выкопали неразорвавшуюся бомбу, чуть было не стали долбить ее киркой. Как бетон. Всех вывели из канала, приехали саперы, бомбу увезли.

После этого послали в другую рабочую команду, на военный аэродром Лехфельд. Там стояли новейшие истребители фирмы Мессершмидт. Работа состояла в постройке дорог, по которым немцы все время перевозили самолеты с места на место. Аэродром американцы все время то бомбили, то налетали истребители. Если бой происходил, когда мы были на работе, было даже интересно наблюдать — немецкие самолеты были быстрее, американские — поворотливее. Но попадало и нам. Одна бомба попала в барак, когда мы были на работе, барак развалило на все четыре стороны, нас поместили в другой. Один раз был днем налет истребителей. Когда вечером стал ложиться спать на свои нары, гляжу — стенка барака у меня над головой пробита пулей, и постель прострелена. А попадали под бомбы и на работе, люди погибали. В один из реактивных самолетов попала бомба, его разнесло буквально на мелкие кусочки, в частности валялись лопатки от турбины. Много позже, после войны, я узнал, что на этом аэродроме действовали советские раз-

ведчики, которые лопатку от турбины подобрали и доставили в Москву.

При очередном налете зацепило и меня. Бомба рванула вблизи, меня сильно ударило по голове. Сначала было ничего, но потом появились боли, с каждым днем все сильнее. В результате меня отправили в центральный лагерь — «Шталаг» — в городе Мемминген. Там у меня определили воспаление среднего уха и положили в городскую больницу, где старик доктор Цеприц делал операции военнопленным. Случай оказался тяжелым. На протяжении месяца (уже наступил 1945 г.) мне сделали три операции, каждая под другим наркозом. Лежали в отдельных палатах, где на окнах были решетки, но особой охраны не было, кормили хорошо и относились по-человечески. С одной стороны с такой же операцией, как у меня, лежал подполковник Крюков, попавший в плен в Севастополе. С другой стороны был чех, пострадавший на железной дороге. Ему приносили детективы на чешском языке, я стал брать у него книги и довольно быстро научился читать по-чешски. На ужин давали вареные картошки с капустой. Санитарка-немка научилась и объявляла вечером: «Картошка-капуста». При очередном налете нас увели в подвал на дальнем конце здания, а бомба попала в тот конец, откуда мы ушли. Повезло. После этого и меня, и подполковника вернули в лагерь, где поместили в лагерьный госпиталь. Был уже март 1945 г., американцы уже наступали с запада, не торопясь, но неуклонно. В апреле вечером из окон второго этажа, выходящих на запад, стали видны ракеты, взлетающие над линией фронта.

Через два дня у ограды лагеря появился американский танк. Немцы-охранники строем вышли из лагеря и сдались. Американцы стали кидать через ограду бутылки с виски, но те все бились. Вышибить ворота танкистам не пришлось в голову, но наши и сами сумели их открыть. Все побежали на волю. Это было 27 апреля 1945 г.

Американцы поставили у ворот часового, но тот никому не мешал входить и выходить. Поставил в тени стул, винтовку повесил на сучок, сидел «караулил». Вид у американцев был еще тот — рубахи расхристаны, винтовку за ремень тащит по земле. Своих американцев они сразу из лагеря забрали, через день — англичан, остались русские и французы. Русских всех переселили туда, где жили американцы, и стали выдавать оставшиеся продуктовые посылки, которые присылались американцам на неделю по 8 кг. Там и консервы мясные, сыр, масло, кофе, галеты, растворимый лимонад и др., все американского производства. Хлеб стали давать кукурузный — белый как вата, и такой же безвкусный. В лагерь назначили коменданта — майора Джексона, а ему помощником — советского подполковника.

При взятии города американцы учинили поголовный грабеж, к которому присоединились и пленные. Притащили радиоприемник, стали слушать Москву. Но грабеж длился только один день, потом сразу навели жесткий порядок. Однажды приехал американский генерал — куда девалась у солдат расхлябанность. Сразу — наглаженная форма, образцовый строй, из лагеря никого не выпускали. Приехал советский офицер, всех пленных переписали.

При американцах прожили до конца месяца. Походил я по городу. Небольшой город Мемминген, но с большой историей. Сохранились дома 1600-х, 1500-х годов и даже 1453 года. Сохранились три четверти крепостной стены и трое старинных ворот. У одних ворот на мемориальной доске прочел, что через них проходил Суворов после перехода через Альпы. Американцы нас подкормили и приодели, частью из трофейных немецких складов, частью из своего. Мне дали шинель, пуговицы с орлами, американскую куртку и ботинки.

В июне месяце всех, находившихся на положении больных, посадили в санитарные машины (все шофера — негры, командир — белый), привезли на аэродром, посадили в самолет и доставили в город Мерсбург, вблизи Эльбы. На другой день — опять в машины, мимо Лейпцига к Эльбе, по понтонному мосту переехали через Эльбу в город Торгау (тот, где наши впервые встретились с американцами). Прибыли в наш госпиталь, оттуда с несколькими пересадками — до станции, куда уже дошли советские пути (в Германии колея другой ширины), посадили в теплушки и двинули в Союз. В пути почему-то раза три пересаживали в другие составы. На одной станции поезд встал у высокой платформы, где выдавали хлеб. С другой стороны платформы стоял другой состав, тоже с пленными. Вдруг ко мне подходит человек и спрашивает:

— Ты из Бугульмы?

— Да.

— Постников?

— Да.

Оказался дальний наш родственник Вершинин, тоже из плена возвращался. Условились, кто первый домой попадет, рассказать родне.

С небольшими приключениями поезд пришел в Харьков. Вылезли из вагонов около развалин вокзала. Лейтенант, начальник поезда, пошел с чемоданом, где были все наши документы, по начальству. Неизвестно как, но у него этот чемодан украли — наверное, думали, что-то ценное привез. Сидим мы на «вокзале», то есть на лавках, поставленных вдоль путей, и не знаем, что делать, и есть нечего. Но нашлись люди сообразительные, отыскивали областную комиссию по репатриации. Там выслушали

и решили, что пусть все едут по домам, там разберемся. Дали каждому бумажку: «Гражданин, называющий себя Постниковым», по полбуханки хлеба и билет, куда кто сказал. Я узнал, что из Харькова есть поезд до Рузаевки, а что через Рузаевку идут поезда в Бугульму, я знал и раньше. Поехал с пересадками, до Рузаевки в теплушке, а оттуда в общем, но пассажирском вагоне. Рано утром подъезжаем к Бугульме. Я со своим мешком встал на подножку вагона и, едва поезд встал, спрыгнул и спешно в обход вокзала. До города тогда было три километра по шоссе, было очень рано, никто не встретился. Дошел до города боковыми улицами, чтобы на милицию не нарваться, пошел к дому. Вывернулся из-за последнего угла, вижу — наш дом цел, перед домом кизяки лежат. Значит, корова есть. Дошел, взглянул в окно, висят наши часы. Ворота заперты. Я постучал в стекло, подходит мама:

— Что тебе, солдатик?

— Мама, это я, Митя.

Бегом открыла ворота, повела меня в дом.

Соседку попросила отвести корову в табун.

— Где ты был?

— В плену.

Ну, тут захлопотала. Меня кормит, живущую у нас старушку отправила к моей тетке, папиной сестре...

— А где папа?

— Умер в 43-м.

Тетя Зина прибежала. Начались расспросы: «А из Бугульмы кого видел»? Тут я вспомнил, сказал про Юрия Вершинина. Кстати, интересная семья. Их было три брата, отец был раскулаченный. Два старших были призваны в армию и оба дослужились до полковников, а Юрка в 41-м попал в плен, в 45-м вернулся. Но так как он до войны успел окончить фармацевтический техникум, по возвращении стал работать в аптеке и стал заведующим.

Мама меня покормила и пошла на работу. Мне сказала — сиди дома, никуда не ходи. Я увидел во дворе напиленные, но не колотые дрова. Взял топор, стал колотить. Часа через два вдруг заходит во двор мужчина, идет к нашему крыльцу. Я его окликнул. Он сказал, что он из Госстраха, должен у меня узнать, нужно ли мне пособие, а сам принялся расспрашивать о том, как я попал в плен, как там жил и т.д. Поговорили, он ушел. Когда мама пришла, я ей сказал, она очень удивилась: «Какой Госстрах»? Потом оказалось — из КГБ. Быстро узнали.

Стал я жить дома, помаленьку поправляться. На перевязки ходил в больницу. Наконец, пошел искать работу. Но до этого три раза вызывали в КГБ, каждый раз — на ночь. Два раза допрашивали по обычной схеме — один следователь добрый, другой — угрожающий, вплоть до постукивания по сто-

лу револьвером. Я им отвечал правдиво, на угрозы отвечал, что если будут обвинения, я постараюсь их опровергнуть. Третий раз мне дали бумаги и велели самому записать все показания. После этого меня оставили в покое, но вместо паспорта дали белую бумагу, на которой было напечатано: «Гражданин, называющий себя Постников...». Впрочем, вероятно, помогло, что в Бугульме секретарем райкома был бывший директор нашей школы, а с одним из сотрудников КГБ я сидел за одной партой. К тому же, лет через десять я узнал, что в КГБ лежала характеристика на меня от руководителя лагерной подпольной организации.

Итак, пошел я искать работу. Сначала узнал, где сколько хлеба дают. Оказалось, больше всего, в нефтеразведке, туда и пошел. Прихожу в отдел кадров. Говорю:

— Мне бы работу.

— А что Вы умеете?

— Ничего. Кончил школу, шесть лет войны.

— Какую школу?

— Десять классов.

— Идите к геологам, там спрашивали мужчину со средним образованием.

Пришел в корпус, где сидели геологи и находилась лаборатория. Мне указали идти к Троепольскому. Зашел. Два мужчины заклеивают окна, в углу сидит, что-то пишет девушка.

— Я насчет работы.

Начали знакомиться. Кто я, что я? Какова грамотность и почерк?

— Вот мы изучаем структуру и текстуру коллекторов. Вы сможете?

— Я не знаю, что это такое, но если научите, наверное, смогу.

Я спросил, какая зарплата, какие пайки — 550 руб., 600 г хлеба, талоны на столовую. Хорошо. Ну, велели приходить за решением завтра. Позже я узнал, что когда я ушел, девушка Соня Бигбова, которая училась в нашей школе, а ее брат в одном классе со мной, сказала Троепольскому:

— Берите Диму Постникова, он такой умный.

В общем, начал работать лаборантом. Цилиндрики для определения пористости и проницаемости надо сначала отмыть в аппарате, где кипит хлороформ. Никакой тяги. Затем эти цилиндры запаять в стальную обойму сплавом Вуда — смесь металлов, один ядовитее другого. Но ничего, остаюсь жив. Посадили за микроскоп, стали учить исследованию шлифов горных пород. Усвоил. В общем, в работу вошел. Для общего образования дали учебник геологии нефти, авторы — Брод и Абрамович. Слава богу, все понятно, очевидно, и расчитано на людей, ничего о геологии не знавших.

Через полгода прибавили 100 руб. зарплаты, стало 650. Когда мама об этом сказала соседке-квартирантке, та воскликнула: «Теперь вашему Мите жениться можно!». Усвоив азы, стал самоучкой повышать квалификацию. В лаборатории, неизвестно откуда, лежал на окне годовой комплект

американского нефтяного журнала. Я, освоив английский, научился по каротажу выделять различные литологические пласты. Впереди была учеба в Казанском университете, работа по геологической специальности в УфНИИ и Институте геологии Академии наук.

Д. В. Постников
Уфа, 2013 г.